

О. В. Брижак¹

РОССИЯ В МНОГОПОЛЯРНОМ МИРЕ: ВОЗМОЖНОСТИ, ШОКИ, ОГРАНИЧЕНИЯ

Усиление трансформационных процессов в социально-экономической системе формирует в ее различных сферах мощные и долгосрочные шоковые эффекты разного рода: техногенные катастрофы, деструкцию природных ресурсных баз, подрыв воспроизводства человеческого фактора общественного производства, потерю системного качества инфраструктуры и др. В связи с этим в современной научной литературе появилось и получило широкое распространение концептуальное представление о системных трансформационных шоках, то есть широкомасштабных и достаточно устойчивых, регулярно воспроизводящихся результатах преобразования социально-экономической системы, которые приводят к возникновению в ней дисфункций, структурных диспропорций, снижению субъектного потенциала, институциональных дефектов и пр. Трансформационные шоки возникают на различных уровнях организации социально-экономических отношений и вызывают дестабилизацию воспроизводственного процесса, отток из национальной экономики в целом, региональной экономики и хозяйственного процесса отдельных предприятий наиболее ценных ресурсов, интеллектуального потенциала².

При этом имеет место существенное торможение или блокировка процесса развития на всех уровнях организации социально-экономических отношений, в том числе за счет снижения субъектного потенциала, накопления сложных проблем, не обеспеченных адекватными решениями. Характерным видом шоков, продуцированным трансформацией социально-экономической

системы современной России и оказывающим на нее сильнейшее воздействие на протяжении последнего десятилетия, являются ограничения, введенные рядом других стран или союзами стран в адрес указанной системы в целом, ее отдельных сфер и участников.

Феномен ограничений, введенных международными организациями, группами стран или отдельными странами, вошел в мировую общественно-хозяйственную практику давно, его корни следует искать в политике протекционизма, применявшейся еще в XVII веке. Широкое распространение он получил в условиях глобальной интеграции, став своеобразным ответом на резкое усиление международной конкуренции. Представляется, что неправомерно рассматривать указанные ограничения как сугубо хозяйственное обстоятельство, поскольку они зачастую вводятся по результатам обострения социально-политических противоречий, что в полной мере относится и к ограничениям, введенным в адрес России. Они были приняты США, странами ЕС, Японией и другими субъектами международных отношений в ответ на социально-политические действия России, затронувшие их интересы.

Учитывая данное обстоятельство и вместе с тем стремясь действовать в границах теоретико-экономического исследования, определим ограничения, введенные в адрес конкретной страны, как вид трансформационных шоков, в основе которого лежат специальные ограничительные действия, предпринятые в адрес отдельных стран другими странами, их союзами или международными организациями, ориентированные на формирование барьеров на пути развития социально-экономических систем стран, которым адресованы такие ограничения.

Отметим, что эти барьеры представляют собой в основном количественные ограничения или полное воспрепятствование доступу хозяйствующих субъектов и государственных органов к ключевым ресурсам мировых рынков, необходимым для функционирования и развития национального воспроизводства. На современном этапе Россия оказалась в режиме ограничений доступа к технологиям, а также ресурсам финансовых рынков, используемым в инвестиционном процессе. В дальнейшем ограничительные меры были сфокусированы на тех товарах российско-

¹ Профессор департамента экономической теории Финансового университета при Правительстве РФ, доктор экономических наук. Автор более 190 научных публикаций, в т. ч.: «Феномен задолженности перед будущими поколениями в контексте новой экономической реальности» (в соавт.), «Новая экономическая реальность как предметная область исследования» (в соавт.), «Детерминанты планирования развития современной экономической теории» (в соавт.), «Институциональные ловушки развития креативного потенциала корпорации» и др. Член Ассоциации «Системная экономика». Эксперт Международного сообщества высшего образования (QS World University Rankings).

² Дементьев В. Е. Власть и трансформационная экономика // Тетра економіс : сб. ст. российских и зарубежных экономистов начала XXI века. М. : Наука-Спектр, 2008. С. 135–142 ; Брижак О. В. Роль интеллектуального капитала в развитии национальных экосистем // Теоретическая экономика. 2021. № 5 (77). С. 81–88.

го экспорта, реализация которых обеспечивает наполнение государственного бюджета и национальных резервных фондов — нефти, нефтепродуктах, газе. При этом были введены лимиты цен, по которым российские компании могли реализовать указанные товары, что обеспечило перераспределение значительной части выручки от реализации в пользу компаний-посредников, приобретавших такие товары по лимитированным ценам и продававших их конечным потребителям по реальным рыночным.

Во всех случаях, функционируя в условиях ограничений доступа к ключевым ресурсам, хозяйствующие субъекты страны, оказавшейся в соответствующем режиме, сталкиваются со следующими последствиями:

- разрастание трансформационных и транзакционных издержек;
- отказ от ранее согласованных сделок, рост контрактных рисков;
- вынужденная коррекция форм рыночного поведения и т. п.

Выше мы определили ограничения, адресованные отдельным странам, как результат обострения международной конкуренции в условиях новой реальности, для которой характерна высокая концентрация трансформационных процессов и накопление сложных проблем, порожденных преобразованиями и не обеспеченными адекватными способами их решения. Углубляя данное определение, сформулируем вывод о том, что такие ограничения формируются во взаимодействии социально-экономических и социально-политических процессов, которые позиционированы на следующих уровнях:

- во-первых, на макроуровне, который регулируется национальным государством и определяет основные условия процесса национального воспроизводства;
- во-вторых, на глобальном уровне, где существует острая межгосударственная конкуренция, а также взаимодействуют между собой представители различных стран: национальные корпорации, органы государственной власти и управления, общественные структуры. Соответственно на данном уровне сталкиваются между собой и, так или иначе, согласуются или не согласуются интересы представителей разных стран.

Правомерен вывод о том, что ограничения, вводимые в адрес конкретных стран, продуцируют трансформационные шоки при разрешении конфликта на глобальном уровне, где сталкиваются между собой интересы различных государств. Конфликт на глобальном уровне, в котором продуцируются трансформационные шоки, возникает, как правило, под воздействием множества существенных социально-экономических и социально-политических факторов, в том числе объективно сложившихся, порожденных в ходе саморазвития социально-экономических систем разных стран, а также субъективно обусловленных факторов, возникших благодаря политическим или управленческим решениям органов государственной власти, структур корпоративного управления. В том случае, когда трансформационные шоки связаны с саморазвитием социально-экономических систем, перед нами естественные процессы смены технологических укладов, циклов

деловой активности и т. п. В том случае, когда трансформационные шоки имеют субъективную природу, мы имеем дело с силами, которые стремятся сохранить прежние социально-экономические отношения, вернуть к общественно-хозяйственной жизни те формы, которые адекватны вызовам современного развития¹.

Развивая приведенные выше положения, отметим, что ряд конфликтов на глобальном уровне обладают двойственной природой:

— с одной стороны, они объективно обусловлены естественным развитием социально-экономических систем разных стран, в ходе которого возникает столкновение национальных интересов;

— с другой стороны, такие конфликты субъективно подготовлены, то есть инициированы какими-то некорректными политическими решениями, не отражающими объективно обусловленных потребностей развития различных социально-экономических систем².

Ряд авторов ставят знак тождества между понятием ограничений, введенных в адрес отдельных стран, и понятием санкций, примененных к таким странам³. Однако такое отождествление представляется неточным, поскольку в первом случае речь идет о результате столкновения экономических интересов, и соответственно мы имеем дело с экономическим понятием. Во втором же случае речь идет о правовых процедурах, то есть здесь мы имеем дело с сугубо юридическим понятием. Соотнося ограничения и санкции, мы соотносим экономическое содержание процесса, протекающего между глобальным уровнем и макроуровнем организации социально-экономических отношений, а также юридическую форму указанного процесса. Смешивая указанные понятия, мы фактически разрушаем условия для системного исследования трансформационных шоков, возникающих между глобальным уровнем и макроуровнем организации социально-экономических отношений. Добавим к этому, что ограничения, вводимые в адрес тех или иных социально-экономических систем, после глобальной рецессии 2008–2009 годов превратились в мощное средство подавления конкурентов и один из атрибутов сложного феномена, квалифицируемого в качестве новой экономической реальности⁴.

Развивая приведенные выше положения, укажем, что и другие атрибуты феномена новой экономической реальности — модернизированный протекционизм, резкая поляризация социально-экономических систем, подрывающая их системное качество, перелом тренда глобальной интеграции — обуславливают расширенное применение отдельными странами, их сою-

¹ Рубини Н., Стивен М. Как я предсказал кризис. Экстренный курс подготовки к будущим потрясениям. М.: Эксмо, 2011. С. 45–49.

² Полтерович В. М. Разработка стратегий социально-экономического развития: наука против идеологии // Вопросы теоретической экономики. 2017. № 1 (1). С. 55–65.

³ Матвеева Л. Г., Чернова О. А. Российское импортозамещение в условиях «новой нормальности» // Terra economicus. 2016. Т. 14, № 2. С. 45–53.

⁴ Брижак О. В., Манахова И. В., Чиканова Е. С. Новая экономическая реальность как предметная область исследования // Вестн. Моск. ун-та. Сер. 6. Экономика. 2023. № 4. С. 3–22; Krugman P. On Economic Arrogance // The New York Times. 2017. 20 Febr.

зами и международными организациями ограничений в адрес своих контрагентов в процессе ужесточающейся глобальной конкуренции, что порождает шоковые трансформационные эффекты¹.

При этом те, кто применяет ограничения, пытаются либо обрести дополнительные собственные конкурентные преимущества, либо подорвать те, которыми располагают конкуренты. Отметим, что далеко не

всегда позитивные ожидания тех, кто вводит указанные ограничения, реализуются, о чем свидетельствуют результаты анализа значительного исторического опыта ограничений, применявшихся в адрес разных стран; в ряде случаев такие меры приводили к эффектам, противоположным ожидаемым, — модернизации и оживлению социально-экономического развития стран-конкурентов.

---

¹ Клейнер Г. Б. Экономика экосистем: шаг в будущее // Экономическое возрождение России. 2019. № 1 (59). С. 40–45.